

Судьбы, которые мы выбираем. Проза и поэзия: Сборник. СПб.: Северо-Запад, 2023. — 224 с. — Петраэдр, № 81.

Книжная серия «Петраэдр» основана в 1995 году, ее зачинатели хотели предоставить авторам возможность публиковать произведения малых форм, прозаические и стихотворные. С тех пор вышло более восьми десятков выпусков, со временем выпуски стали тематические. Тесно связанный с «Петраэдром» писатель О'Санчес однажды заметил: «Судьбы спорят, выбирая нас». А что если это действительно так? Что если Судьба сама выбирает себе человека, с которым не расстанется до конца его жизни? Властен ли человек по собственному желанию изменять свою судьбу, или все давно выбрано за него? Но в таком случае существует ли свобода воли? Свобода творчества? Право сказать «нет» или выбрать «да»? И где развилки судьбы? С этими непростыми вопросами пробуют разобраться авторы сборника. Авторы явно не сговаривались, каждый предложил свой вариант ответа. А вот ход их мыслей пошел по двум направлениям. На одном из них оказываются рассказы, где показано, как решительное — и осознанное, преследующее конкретные цели — внешнее вмешательство людей посторонних меняет судьбу конкретного человека. Меняет со знаком плюс или минус. Так, чтобы очередной питомец смог обрести семью, директриса детского дома в очередной раз идет на должностное преступление: дает взятку служащим загса, чтобы подделать документы и изменить имя подопечного согласно капризу возможных приемных родителей. А что делать, если состоятельная пара претендентов на усыновление присмотрела мальчика Кирилла, но хочет подобрать ему брата, но так, чтобы имена детей сочетались. И мальчик, живущий в детдоме под кличкой Немо, превращается в Мефодия. Так человек делает судьбу других. В рассказе поэта, прозаика и составителя сборников Юлии Андреевой «Шанс» главная героиня руководствуется благородными побуждениями, корни которых кроются в ее собственном детстве. В рассказе А. Андим «Когда судьба стучится в окно» математик и физик оказывается в странном месте во власти мойр, которые управляют судьбами людей. Прядет нити судьбы Клото, вертит судьбами Лахесис, Атропос задумала перерезать нить судьбы целой планеты Земли. У ученого есть месяц, чтобы убедить Антропос отказаться от ее затеи. Но вершителями судьбы ученого оказываются не мойры. Это сотрудники отдела Сверхзвуковых космических механизмов устроили инсценировку, в результате которой был создан уникальный сверхзвуковой космический аппарат, сулящий не только прибыли, но и контроль над рынком. «Кто выбирает?» называется рассказ А. Шацева: глава и создатель ассоциации «РОС — Родная Семья» (объединение семей, усыновивших детей) пытается вернуть к жизни пациентку психиатрической больницы, чьи дети погибли во время пожара. Он знакомит женщину, которую знал в молодости, с двумя малолетними детьми, чьи родители погибли в огне. Она и дети вместе, он финансирует семью... Но конец открытый... автор дает возможность читателю самому продумать финал... У А. Гройсс («Солнце белых ночей») сентиментальные грезы старика, сорок лет не менявшего место жительства, мешали соседям коммуналки решить вопрос с расселением. Решили, решили грубо и прозаично... Но вопреки их ожиданиям финал оказался волшебным-романтичным... Есть и другой подход к проблеме человек и его судьба: человек сам хозяин своей судьбы, делает свой выбор сам. И делает порой — по воле авторов — в странных, порой фантастических обстоятельствах. Казалось бы, эксперимент по пе-

ресадке индивида в чужое тело шел к успешному финалу, но подопытного героя, обладателя рака легких третьей степени, сбила машина, и он оказался в темной вонючей пещере, в Тартаре, в Аиде. А там — и Харон, и Персефона, и Сизиф. И собственный камень, с которым герой не захочет расстаться. И готов вечно катить его в гору. А почему? (К. Гуляев «Нас возвышающий обман»). Хакер противостоит искусственному мозгу в попытке сохранить свое собственное биологическое сознание (Т. Берцева «Приговоренный»). «Провалившись» в другое измерение, группа детей и подростков смогла приспособиться и установить свои правила в новом мире, а герой рассказа, сумевший пробраться в прежний мир, возвращается обратно. Почему? (Е. Аристова «Жизнь за твой выбор»). Шесть новелл нелюбви в рассказе А. Окатовой «Семь пар железных башмаков». «Напрасно я мучилась: одну за другой стоптала шесть из семи пар железных башмаков, напрасно забрала чужие тела, напрасно лишила жизни шесть человек, напрасно вяла на себя смертный грех — шесть раз, все напрасно! Он вспомнил меня, я здесь, но я ему не нужна». Седьмой попытки не будет. Значимы в этих рассказах психологические загадки: читателю самому предстоит догадаться, почему именно так поступает герой. А вот выбор героев двух других рассказов, ясен. Сорокалетний, вполне состоявшийся мужчина покидает дом, семью, работу, увидев сон, в котором недавно умерший дед призывает его вернуться в деревню. В доме деда, старого шамана, он обретает древнюю родовую память. «Все эти знания обрушились на Павла сразу. Он лежал на полу и проживал тысячи жизней. Одновременно он плакал. Потому что понял, что до этого жил чьей-то другой, навязанной ему жизнью. А настоящая жизнь чуть не прошла мимо». И очень трогательный и обоснованный выбор делает между приبلудным котом и девушкой, которая предложила кота усыпить: лишние заботы, траты, отложенный отпуск, герой рассказа Александра Вальта «Барсик» выбрал котика. Это совсем неполный перечень произведений, а значит, и вариантов на тему «Человек и судьба», что представлены в сборнике. Реалистичные и фантастические, разнообразные по сюжетам, крепко сработанные рассказы привязаны к нашему времени, отражают чувства, представления, устремления человека XXI века, нашего современника, и тем особенно интересны.

Эвелина Азаева. Перелетные птицы: Сборник рассказов. СПб.: Лампарус, 2024. — 320 с.: ил.

Герои книги — русские эмигранты в Канаде. Первой, «белогвардейской» волны эмиграции, послевоенной, диссиденты 70–80-х годов. Но в основном простые советские люди, хлынувшие из СССР на Запад в 90-е годы, спасаясь от безденежья, от криминала, от притеснений и погромов, от войны в Чечне. Эвелина Азаева прожила в Канаде двадцать пять лет (с 1998 года), много лет выпускала там «Комсомольскую правду» и хорошо знает и канадскую действительность, законы и нравы на другом континенте, знает изнутри и постперестроечную русскую эмиграцию. Э. Азаеву интересуют судьбы и личности: прошлое, настоящее, мотивы, которыми люди руководствуются. Нынешние продавцы, водители, врачи, менеджеры, риэлторы, пестрый мир рекламщиков... Каждый из героев рассказов прошел мучительный путь обустройства в незнакомой стране: крушение надежд, узнавание себя и близких с неожиданной стороны, упорные попытки встать на ноги, не предавая свои принципы. Она пишет о том, каково пришлось русским эмигрантам, что с ними сейчас и как русский человек в непривычных обстоятельствах решает типовые проблемы: ушла жена, неурядицы на работе или безработица. Борьбу за сына-наркомана ведут герои рассказа «Стужа». Хроника «очень смутного

времени» — то ли истинная пандемия ковида, то ли заговор глобалистов для уничтожения генофонда — представлена в рассказе «Антивакцинщица». «И если бы не российская военная операция на Украине, спасая планету, неизвестно как развивались бы события... Шансы глобалистов на победу были огромны. Но русские снова спасли планету». В рассказе «Широкие люди» встает вопрос о цене успеха: ошибочно мнение, что хитроумные схемы были лишь в СССР, — везде, где живет человек, есть схемы. Э. Азаева, отмечает, что в Канаде уважительно относятся к любому виду труда, канадцы знают, как тяжело достаются деньги, многие начинали работать с самых низов и не смотрят с презрением на тех, кто еще не устроен. В Канаде работают в поте лица. Свои большие дома и дорогие машины они заслужили. «В России так остереженно не работают. Во-первых, потому что за деньгами не гонятся — не тот менталитет. Ну и она немножечко тоже восток, работой себя не изнуряют. И в России нет такой банковской кабалы». Автор указывает на ловушки, которые подстерегают новоприбывших. «С соседями общаться — себе вредить. Чем больше они о тебе знают, тем выше риск неприятностей. В Канаде же народ воспитывают сознательным, видишь, что не так, — стучи. Причем имя доносчиков скрывают, ты можешь только догадываться, что это соседи». На страницах книги постоянно идет острое столкновение точек зрения героев. Так, собравшиеся со всей планеты на конференцию журналисты, входящие в Лигу зарубежных русскоязычных СМИ, горячо обсуждают вечные темы: русофобия, русский менталитет, нужно ли разбавить русское терпение горячей кавказской кровью, можно ли зло победить злом («Крестики-нолики»). В рассказе «Всем должен» в одном купе едут нейрохирург и журналистка, работающая в женском журнале. Врач, читая со скуки дамские журналы, критически оценивает тексты с советами, как охмурить мужчину и как его удержать. «Петров представил. Что входит в квартиру, а там его супруга, историк, кандидат наук Мария Николаевна Петрова, /согласно совету из гламурного журнала/ на карачках, без трусов, пол моет... — а вдруг первым в дом вошел бы шестнадцатилетний сын? С друзьями». Он пытается доказать попутчице, что лозунги из гламурных журналов: «Никто никому ничего не должен» и «Полюби себя» — ведут к разрушению семьи и общества. И наталкивается на враждебное непонимание. Во всех рассказах красной линией проходит тема любви к Родине. Герои Азаевой переоценивают свои прежние воззрения, тоскуют по стране, где получали от государства бесплатные квартиры, бесплатные путевки и оплачиваемый длинный отпуск. «Где были мои глаза?! Сейчас я просто в морды бы плюнул всем диссидентам! Это они лгали нам о легкой жизни на Западе, они подрывали доверие к власти и в итоге сделали нас эмигрантами. Мы как мотыльки слетелись на огонек и опалили крылышки». Или: «Машины тут круче, небоскребы выше, зубы белее. Но, по большому счету, в глобальных и главных вопросах бытия права Россия. Там хранится справедливость планеты. Главные ценности человечества. Настоящие, незыблемые». В отличие от вырвавшихся из СССР антисоветчиков, приехавших в Канаду через Израиль, для восьмидесяти процентов которых признание в любви к России или даже малейшая похвала чему-то советскому или российскому вызывала истерику, у Азаевой героини «постсоветской» волны чтут кодекс многих эмигрантов: «...выехав, Родину не ругать, это дома можно». За каждой эмиграцией была своя беда. Свою историю бегства из России рассказывает журналистке эмигрантка «белогвардейской» волны Наталья Шелегина, в доме которой умерла великая княгиня Ольга Александровна, сестра Николая II. Трагична судьба Ольги Воскресенской, руководителя Русской культурной ассоциации, — дочь убитого красными священника, потерявшая всю семью, она в пятнадцать лет стала машинисткой в немецкой канцелярии во Пскове, и, спасаясь от расплаты, бежала с немцами.

В рассказе «Недобитки и иже с ними» Э. Азаева собрал представителей всех слоев эмиграции. Они ненавидят друг друга, враждуют, склочничают, конфликтуют... И все объединяются — белые, красные, русские и евреи, верующие и атеисты — в один Бесмертный полк. «„Бывшие“ пришли без флагов... И вдруг Вика увидела, что они вытаскивают иконы. Владимирская Божья Матерь, Георгий Победоносец, Троица. Громко взмыла песня: „Этот День Победы порохом пропах!“ — и толпа отправилась в путь. Со Сталиным и всеми Святыми, земле русской просиявшими. Они были на иконах и в руках у людей — портреты фронтовиков... Шли русские, белорусы, украинцы, казахи, узбеки, евреи и все прочие, чьих семей коснулась война». В рассказах Э. Азаевой четко выстроен сюжет, много диалогов, рассказы пронзительны, трагичны и в то же время полны юмора и иронии. И в них поднимаются вопросы, актуальные для людей по обе стороны океана.

Борис Смолкин. Пестрые рассказы моей жизни. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга, 2024. — 316 с.; ил.

А ведь Борис Смолкин, очаровательный дворецкий из «Моей прекрасной няни», заслуженный артист России, сыгравший около ста ролей в кино и телесериалах, один из самых востребованных актеров питерского Театра музкомедии в 1972–2008 годах, мог бы и не стать актером, а послушаться родителей и заниматься всю жизнь нелюбимым делом. Он мог стать математиком, химиком, инженером. У него не было ни связей, ни опытных советчиков, но он сам находил дорогу к заветной мечте — к сцене.

Посещал театральную студию при Ленинградском Дворце пионеров; обучение в физико-математической школе совмещал с занятиями в драмкружке Ильи Резника при Доме комсомольцев; не пройдя в 1966 году третий тур экзаменов в Ленинградский театральный институт, принял приглашение В. Петрова, второго педагога курса Агамирзяна в театр-студию ЛГУ. Поступил на химический факультет Лесотехнической академии. А так как главная жизнь проходила в театре-студии ЛГУ, то, будучи неготовым к сессии, оформил академический отпуск, а чтобы скрыть это от родителей, посещал утренние сеансы в кинотеатре «Нева». При второй попытке поступления в Театральный институт был зачислен на отделение музкомедии. Б. Смолкин последовательно — и с неизменным юмором — излагает длинную эпопею своего пути в профессию. Школьником, сидя дома из-за болезни, он читал классиков отечественной и зарубежной литературы. «Но главным и захватывающим меня занятием была игра в театр: я залезал в платяной шкаф, находил и надевал на себя что-то из родительской одежды, брал коробочку акварельных красок „Ленинград“ и, стоя в прихожей перед зеркалом, разрисовывал лицо, изображая различных персонажей, только что вычитанных мною в какой-нибудь книжке». Страсть разрисовывать себе лицо, любовь к гриму сохранилась на всю жизнь. Одержимый тягой к сцене мальчик считал, что самый страшный, непреодолимый его недостаток — маленький рост. Так было, пока он не увидел Н. Трофимова в спектакле акимовского театра. Мальчик ждал актера у служебного входа и шел за ним, сопоставляя его рост со своим. Страх рассеялся. В этой книге не раз появляются знаменитые имена: Товстоногов, Акимов, Юрский... Яркие штрихи к портретам великих творцов советского театра. И развернутый портрет русского советского оперного певца Николая Печковского. Отбыв срок в исправительно-трудовых лагерях, в 1956 году после окончательной реабилитации певец вернулся в Ленинград. С 1958 года до конца жизни он руководил самодеятельной оперной студией в ленинградском Доме культуры имени А. Цюрупы, эту студию посещала мать Б. Смолкина. О Печковском Б. Смолкин пишет с ее слов. «О жизни моей семьи до моего рождения я знаю не мень-

ше, чем о моей жизни на этом свете. Семейные рассказы, воспоминания, истории в пересказах моей мамы, бабушки, реже дедушки и папы сопровождали меня всегда». Обладая не только актерским, но и замечательным литературным даром, Б. Смолкин рассказывает историю большой еврейской семьи, корни которой находятся в Белоруссии и некоторые из них обнаруживаются аж в XIX веке. В 1921 году его маму, маленькую девочку, привезли в Петроград, она не говорила по-русски. И эта девочка, родным языком которой был идиш, окончила филфак ЛГУ, стала преподавателем английского языка, блестяще знала русский и немецкий. В 1926 году из Рогачева приехал в Ленинград и Гриша Смолкин, его ждали двое дядек-нэпманов, сколотивших состояние продажей яблок. Гриша Смолкин стал архитектором, после войны принимал участие в реконструкции ВДНХ, и приехавший к нему маленький сын присутствовал на сдаче Хрущеву важного объекта — фонтана «Кукуруза». История семьи — это сожженные фашистами заживо в 1941 году рогачевские евреи, среди которых были бабушка и дедушка отца и его юная сводная сестра. Это блокадные будни материнской семьи, выехав в 1942 году из Ленинграда, его бабушка и маленькая мама стали свидетелями главного сражения ВОВ — Сталинградской битвы. Это и история тетки, что накануне войны отправилась с маленьким сыном в Краснодар к родителям мужа и оказалась в оккупации. А еще Б. Смолкин с фотографической точностью рисует ленинградский быт времен своего детства и юности. Квартира бабушки и дедушки в доме 55 на Кировском проспекте на последнем — шестом — этаже, куда принесли его из роддома в 1948 году; коммуналка; комната, ставшая квартирой... Планировка, меблировка, послевоенное обустройство, образ жизни, обиход, окрестные магазины («Булочная», «Изготовление абажуров», «Пошив бюстгальтеров»), домочадцы, соседи... И все ярко, сочно, зримо... Знаменитый режиссер Ф. Эрмлер, сосед в доме по Кировскому, приносил бабушке завернутую в бумагу рыбу и говорил: «Елена Марковна! Мне вот достали рыбу — сделайте, пожалуйста, гефилте фиш!» Будущий актер подмечал характерные черты, манеры, осанку окружавших его людей и сумел создать яркие колоритные портреты тех, о ком рассказывает спустя десятилетия. Мастера, работавшие рядом с отцом, женщина-бухгалтер, овдовевшая, едва выйдя замуж за месяц до войны, известные врачи... Послевоенные люди, не отошедшие от пережитого. Б. Смолкин добавляет к портретам известные ему линии судеб своих героев. Добрыми, светлыми выглядят в воспоминаниях актера 70-е годы прошлого века. Несмотря на то, что были и препоны в виде пресловутого «пятого пункта», и вопросы трудоустройства, и «страшные» собеседования в райкоме перед поездкой за границу, и прелести общепита. Быть может, потому, что это была молодость, потому, что маленькие хитрости позволяли обходить установленные правила советской жизни, и потому, что выкрутиться из грозящей тяжелыми последствиями истории помогало то, что «мы, как и большинство советских людей, тоже были сильны в демагогии и обучены фальшивому пафосу». А еще потому, что у Б. Смолкина особый взгляд на жизнь, ярко явленная во время выступления Смолкина с товарищем на корпоративе, где ларечники с Апрашки мирились с бандитами. Но об этом будет следующая книга.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит издательства
за предоставленные книги